

Поэма-сказка «Унэнке Торлиktу-хан» На. Узмэ

The Poetic Tale *Unenku Torliktu Khan* by Na. Usme

Б. А. Бичеев (B. Bicheev)¹

¹ доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН (358000, г. Элиста, Российская Федерация, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: baazr@mail.ru

Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: baazr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания сказки, опубликованной известной в Сынцзяне поэтессой На. Узмэ. Текст представляет собой один из устных вариантов письменного произведения, известного под названием «История Унэкер Торлиktу-хана». При анализе его содержания выяснилось, что текст не является фольклорным произведением. Он представляет собой литературную поэму-сказку с характерными для такого произведения, созданного На. Узмэ на основе существующих устных и письменных вариантов сказки, особенностями.

Ключевые слова: письменный текст, устный текст, сказочный сюжет, авторское произведение, поэма-сказка

Abstract. The article analyzes the content of the fairy tale published by the famous Xinjiang poet Na. Usme. The text is an oral version of the written work known as *The History of Uneke Torliktu Khan*. The analysis reveals that the text examined is not actually a folk work. It is a literary poetic tale with the respective characteristic features and was created by Na. Usme on the basis of existing oral and written versions of the fairy tale.

Keywords: written text, oral text, fairy tale story, artwork, poetic tale

«Историю Унэкер Торлиktу-хана» («*Ünekēr Törölkitü xāni tuuḡi oroṣibo*») можно назвать одним из популярных произведений литературы на «ясном письме». Вплоть до начала XIX в. рукописные списки этой повести были широко распространены среди калмыков России, ойратов Монголии и Китая. Благодаря своей популярности она оказалась в числе первых текстов калмыцкой старописьменной литературы, переведенных на один из европейских языков [Bergmann 1804].

Ни в одном из известных на сегодня десяти списков рукописей, сохранившихся в коллекциях ойратских текстов России [Сазыкин 1988; Uspensky 1999], Монголии [Gerelmaa 2005; Оюу Чихт 2005] и Китая [Galdan 2013], нет колофона. Однако, исходя из имеющихся данных о времени появления монгольской версии этого текста под названием «История Эндзуэрэл-хана», можно предположить, что ойратский текст был переведен с тибетского не ранее года создания «ясного письма» (1648 г.) и не позднее года написания монгольской версии (1662 г.) [Дамдинсүрэн 2017; Тойм 1976].

«История Унэкер Торлику-хана» — это прозапоэтический текст особого вида буддийской литературы, в котором на основе сказочного сюжета «Злая мачеха» повествуется об одном из прошлых рождений бодхисаттвы Авалокитешвары. Такие произведения, согласно традиции буддийской литературы, выстраивались по одной структуре (обрамляющая рамка и вставной сюжет). Их главное назначение заключалось в наставлении простых верующих на путь буддийского спасения с помощью увлекательных сказочных сюжетов. В традиции буддизма их принято считать одной из форм проповеди буддийского учения.

Популярность письменного текста способствовала появлению устной версии. В конце XIX – начале XX вв. были осуществлены наиболее ранние записи устных вариантов сказки в Монголии [Потанин 1883], России [Ramstedt 1919] и Китае [Беннигсен 1912]. В ходе трансформации письменного текста в устную форму утерялось рамочное обрамление. Сохранился лишь сказочный сюжет об Унэкер Торлику-хане, который в силу привязанности к сансаре подверг свою страну опустошительному разрушению.

Начиная с 1960-х гг. в России и Китае опубликовано более двадцати вариантов этой сказки под разными названиями [Бичеев, Дамринджав 2017]. Самые многочисленные варианты сказки зафиксированы у ойратов Синыцзяна. Среди опубликованных материалов интерес вызывают два поэтических произведения. Первый текст представляет собой стихотворную сказку под названием «*Үнүкр Төрлгч сэн хан*», которую в 1981 г. опубликовал известный фольклорист, писатель, переводчик А. Тайва [Tayibai 1981].

Второй стихотворный текст под названием «*Үнүкү Төрлкт хан*» опубликовала На. Узмэ, также известная в Синыцзян-Уйгурском

автономном районе КНР поэтесса ойратского происхождения. На. Узмэ — автор нескольких поэтических сборников. В 2006 г. она выпустила сборник сказок «*Арвн тавта Арл Мерген*», который был полностью составлен из репертуара ее матери — сказительницы Ч. Сайинды [Üjüme 2006].

В предисловии к этому изданию На. Узмэ отмечает, что все тексты были записаны в 1980-е гг. Мы можем только предположить, что сказительница Ч. Сайинда могла рассказать интересный нас текст в стихотворном виде.

Вполне естественно возникает вопрос о соотношении содержания сказки сказительницы Ч. Сайинды с содержанием сказки «*Үнцкү Төрлгч сэн хан*», опубликованной в 1981 г. А. Тайвы. Оба текста написаны на основе известных вариантов устной и письменной версий «Истории Унэкер Торлику-хана». Структура письменных и устных вариантов этого произведения выстроена на основе сказочного сюжета «Злая мачеха», который представляет собой единую цепь событий из следующих основных мотивов:

1. *Смерть жены хана* — 2. *Женитьба хана на девушке-ведьме* — 3. *Мнимая болезнь мачехи-ведьмы* — 4. *Бегство детей в другую страну* — 5. *Трудный путь* — 6. *Взросление детей на чужбине* — 7. *Возвращение в страну и убийство мачехи-ведьмы* — 8. *Освобождение отца и подданных*.

Стихотворные тексты Ч. Сайинды и А. Тайвы содержат вышеуказанные мотивы, но представляют две разные поэтические редакции одного сказочного сюжета.

Повествование Ч. Сайинды открывается обширным прологом из 117 строк, который по своему объему превосходит пролог текста А. Тайвы. Вступительная часть начинается с мифической биографии Унэнку Торлику-хана, рожденного «счастливо править центром мира» (*эн делкэн өриг ээлн жүрһхэр төрсн*), «даровать благополучие многочисленным подданным» (*харц олн алтан хамһалн жүрһүлхэр төрсн*) и «заставлять трепетать сердца врагов» (*харин дээснэ зүркиг чичрулн гэлһхэр төрсн*).

Затем следует восхваление его добродетельной супруги Ургамал Цэцек-хатун, дочери Божества-хозяина воды и хатов (*Усн хадын күүкн Урһмл Цецг гидг хатнта санжэ гинэ*), их высокорожденных детей — сына Оюн Чикн и дочери Авха Цэцек, мудрого

старшего чиновника Аянга-тушимэла. В конце пролога воспевается хрустальный дворец (*йирн йисн давхр, йиндрмн шил бээшн*) и благоденствующая страна хана.

По форме и содержанию вступительная часть сказки больше соотносится с прологами архаических тууль-улигеров, в отличие от пролога в произведении А. Тайвы, тяготеющего к эпическим сказаниям поздней формации. Наличие достаточно обширной вступительной части в двух текстах связано с тем, что они публиковались как образцы богатырских сказок, хотя по содержанию они таковыми не являются. Их также нельзя назвать традиционными для фольклора ойратов тууль-улигерами, поскольку по своему содержанию они не соотносятся с типовой композицией, состоящей из двенадцати конструктивных элементов [Кичиков 1999: 9].

Первый мотив «Смерть жены хана» начинается не со сбора ведьм (*шулмусок*), как во всех известных вариантах сказки, а с предупреждения Ургамал Цэцек-хатун. Обладая способностью предвидеть события грядущих девяноста девяти лет и поведать о событиях прошедших девяноста девяти лет, она говорит хану о намерении девяноста девяти ведьм нанести вред их стране. Хан успокаивает супругу, уверив ее в том, что никакая нечистая сила не решится навредить им, пока он правит страной [Сээндэ 2017].

Тем временем девяносто девять ведьм на своем сборище решают отправить в страну хана самую младшую из них — ведьму Ягцабирмин. Прибыв в страну Унэкер Торлику-хана и обернувшись ядовитой змеей, она жалит в пятку Ургамал Цэцек-хатун.

*Утцн улан моһа болад
Ишквр шатднь оралдв гинэ,
Евэл йовулхар һарх
Урһмл Цецгиг күләв гинэ.
Эср ораһаснь көнөх гихлә,
Ил үзгдхэсн ээв гинэ,
Ул тавгаснь хадхий гиж
Зөрг бэржэ кевтв гинэ [Сээндэ 2017: 189].*

В тексте А. Тайвы этот эпизод решен в другом ключе. Молодая ведьма Алала Панка отправляется на одинокий остров во вселенском океане и добывает слюну обитающей только на этом острове ядовитой змеи. Она смешивает змеиный яд с содержимым

чудодейственной пилюли (*рилу*), превращает ее во множество изюминок и рассыпает на тропе, по которой супруга хана совершает утреннюю прогулку.

*Газадын далан арлд,
Галвр хулсн ө дотрк,
Хорта моһан шүлс авад,
Хор шиңгсн ирл кеһад,
Хүүрә цаһан үзмд оршаһад,
Хар ноһан хатрлһнд,
Харңһу бүрүлин цагт,
Хатн цамнх һазрт
Хорта үзмән цацв [Тээвэ 2017: 239].*

В тексте На. Узмэ отсутствует эпизод с наставлением, которое дает хану и подданным перед своей смертью супруга хана. Смерть царевны метафорически уподобляется развязавшемуся узлу, скреплявшему небо и землю (*теңгр һазр хойрин теңнь алдрснннң болад бээв гинэ*), разрыву духовной связи между ханом и небом (*теңгр болсн хаана теңкәнһ тасрснннң болад бээв гинэ*) и т. д.

Традиционно в письменных и устных версиях переход от мотива «смерть жены хана» к следующему мотиву «женитьба хана на девушке-ведьме» связан с поиском новой жены для хана. Ведьма умерщвляет дочь ханского пастуха коров (яков), вселяется в ее тело и превращается в красавицу. На нее обращают внимание чиновники, отправленные на поиски новой супруги для хана.

В произведении На. Узмэ встреча хана с девушкой-ведьмой происходит случайно во время охоты. Хан, погнавшись за оленем, скрывается в лесу. Чиновники, поспешившие за ним, застают его уже на опушке леса, утоляющим жажду молочным напитком из рук красавицы-ведьмы.

*Аңһулһар бүгдәрн һарад,
Агтын хурдар йовжэ бээтл,
Арвн салата буһ
Үзгдэд-үзгдэд, орңһдад,
Өһин өткнәр орх гинәд,
Өмннь орад шогшад одв гинә.
Үйджэ одсн хаана
Үзх нүднһ герлтн,*

*Улан зеердэн малядн,
Ардаснь көөлдэд, жшижснхэд одв.
Айһн ик түшмлнь шинжлж
Ардаснь күүлдн ирхлэ,
Өөһин цолд яралдсн
Олн герин өмн бийд,
Өңгрлг күүкнэ өргсн
Ааһта үсинь ууж,*

Үгинь аңхарн соңсж бээж [Сээндэ 2017: 190–191].

Этот эпизод, придающий тексту некое отличие от других устных вариантов, явно свидетельствует о том, что это творческое решение На. Узме. Такой мотив случайной встречи не является традиционным для ойратского фольклора [Сээндэ 2017: 191].

А. Тайва, сохранив сюжетную линию в своем тексте сказки, придает ему совершенно иное содержание. Ведьма, выдав себя за дочь пастуха верблюдов, знакомится с дочерью пастуха коров. Она убивает дочь пастуха коров, проколов темя девушки большой иглой. Затем вселяется в ее тело и превращается в дочь-красавицу ханского пастуха коров. Такой способ убийства человека ведьмами является устойчивым для калмыцких сказочных текстов.

*— Темэчин окн билэв би,
Темн гидг нертэв би,
Тер дорк тохад
Тендэһн ирж буулавидн.
Дуулсн дууһичн соңсад,
Дурн бахм көдлэд,
Дота хань чини болж,
Дүүтэһэн наадхар ирлэв, — гижэ,
Суулһта тарган өгэд,
Сүвэһарнь ав цацв.
Авин амтнд согтад,
Ээргин амтнд зөнэд:
— Ээлин сээхн окн чи,
Эмн хээртэ дү мини бол, — гижэ
Хажсудан суулһад, өкэрлн бээж,
Хуухан мажад, үсэн цуцад:
— Хуурс, бөөс хэлэж өг, — гинэд,*

*Хорма дерлн кевтв.
Бөөс нислн нүдрж,
Бөдүн темнэн һарһад,
Эсрүн ораһарнь шааһад,
Элк, бөөрнь идэд,
Үкдл күүртнь шиңгэд,
Үнн дүртнь хувлв [Тээвэ 2017: 245].*

В мотиве «Мнимая болезнь мачехи-ведьмы» в тексте А. Тайвы отсутствует эпизод, связанный с попыткой придворных врачей определить мнимую болезнь мачехи-ведьмы. На. Узмэ сохраняет этот эпизод, присутствующий в письменном тексте, и придает ему трагикомическое содержание. По настоянию мачехи-ведьмы, врачи должны определить ее болезнь по пульсу, держа в руках конец красной нити, привязанный к кисти ее руки. Чтобы запутать врачей, она привязывает нить к заранее принесенным для этого мертвым трупам собаки и курицы. В этом эпизоде На. Узмэ следует содержанию письменного текста.

*Орж, һархин хоорнд,
Олн эгчнртән зөвчлн,
Урдчлн белдкжэ тэвсн,
Үксн ноха, такаһан,
Орн доран тэвн амжсад:
.....
— Үнкр мергн эмч болхла,
Һуурт уйсн улан утциг бэржэ,
Көшгин цааһас
Өвчн гемиг тодлтха, — гив.
Хан эзн зөвшэржэ:
— Улан утциг бэржэ,
Өвчнэ гемиг тодлтха! — гидэ
Хату зэрлг буулһв.
Эмчнр бэржэ үзэд,
Нүдән ора деерән һарһад,
Нег-негән хэлэлдэд,
Наар-цаар уга нам жим болв*

[Сээндэ 2017: 198–199].

Таким образом, такие элементы проанализированных авторских текстов, как эпический пролог, введению новых сюжетных линий (предупреждение о намерениях ведьм, причинение вреда стране хана, превращение ведьмы в змею, погоня хана за добычей и встреча с девушкой-ведьмой в лесу) не являются характерными для традиционного монгольского сказочного фольклора. Если предположить, что На. Узмэ и записала какой-то вариант сказки в стихотворной форме от своей матери, то не вызывает сомнения тот факт, что она подвергла его значительной литературной обработке.

Сопоставление содержания текста На. Узмэ со сказкой А. Тайвы показывает, что это два разных произведения, составленных на основе одного сказочного сюжета. Обе сказки написаны живым разговорным языком, с использованием устойчивых для устного творчества оборотов и эпитетов. Тем не менее, необходимо признать, что попытка авторов сохранить в составленных ими текстах первоначальную форму сказки, привела к появлению двух интересных по содержанию литературных поэм-сказок.

Источники

- Сээндэ 2017 — *Сээндэ Ч. Үннкү Төрлкт хан* // Устная версия «Истории Унекер Торлиktу-хана». Исслед., пер. с монг., коммент. Б. А. Бичеева и Б. Дамринджава. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. С. 183–233.
- Тээвэ 2017 — *Тээвэ А. Үннкэр Төрлгч хан* // Устная версия «Истории Унекер Торлиktу-хана». Исслед., пер. с монг., коммент. Б. А. Бичеева и Б. Дамринджава. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2017. С. 234–296.
- Üjüme 2006 — Ünenkü Törölkitü han. *Arban tabutai Aral Mergen*. Na. Üjüme (comp.). Beijing: People's Publ. House of Xinjiang, 2006. Pp. 253–307. (На монг. яз.)
- Galdan 2013 — *Galdan Do. Ünenker Törölketü sayin hayan-u tuyuji orosiba*. People's Publ. House of Xinjiang, 2013. 296 p. (На монг. яз.)
- Tayibai 1981 — *Tayibai A. Ünenker töröleqçi sayin xān*// *Öriyin colmon*. 1981. No. 4–6. Pp. 51–61. (На монг. яз.)

Sources

- Galdan Do. The Tale of Uneker Torliqtu Khan the Good. People's Publ. House of Xinjiang, 2013. 296 p. (In Mong.)
- Säändä Ch. Uneker Torliqtu Khan. *Ustnaya versiya «Istorii Uneker Torliktu-khana»*. B. A. Bicheev and B. Damrinjav (transl., research, comment.). Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 183–233. (In Mong.)
- Tayibai A. Uneker Torliqtu Khan the Good. *Öriyin colmon*. 1981. No. 4–6. Pp. 51–61. (In Mong.)

- Täävä A. Uneker Torliqtu Khan. *Ustnaya versiya «Istorii Uneker Torliktu-khana»*. В. А. Бичеев and Б. Дамринжав (transl., research, comment.). Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. Pp. 234–296. (In Mong.)
- Uneker Torliqtu Khan. *Arban tabutai Aral Mergen* [Fifteen-year-old Mergen]. Na. Üjüme (comp.). Beijing: People's Publ. House of Xinjiang, 2006. Pp. 253–307. (In Mong.)

Литература

- Беннигсен 1912 — Беннигсен А. П. Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсен. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. 168 с. []
- Бичеев, Дамринджав 2017 — *Бичеев Б. А., Дамринджав Б.* Устная версия «Истории Унекер Торлиktу-хана». Исслед., пер. с монг., коммент. Б. А. Бичеева и Б. Дамринджав. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 314 с. []
- Дамдинсүрэн 2017 — *Дамдинсүрэн Ц.* Монгол уран зохиолын дээж зуун билэг оршвой. V боть. (хоёрдугаар дэвтэр). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2017. 364 с. []
- Оюу Чихт 2005 — «Оюу Чихт хан хөвүүний тууж» тергүүтэн монголын сонгодог уран зохиолын хэдэн дурсгал. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэн, тайлбар сэлт үйлдсэн Д. Ганболд. Улаанбаатар: Ховд их сургууль, 2005. 113 х. []
- Кичиков 1999 — *Кичиков А. Ш.* Предисловие // «Джангар»: Малодербетская версия / свод. текст, пер., вступ. ст., коммент., словарь А. Ш. Кичикова; отв. ред. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. гос. ун-т, 1999. С. 5–38. []
- Тойм 1976 — Монголын уран зохиолын тойм. Хоёрдугаар дэвтэр (XVII–XVIII зууны үе) / ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1976. 670 х. []
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского географического общества Г. Н. Потаниным. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с. []
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и кириллографов Института Востоковедения АН СССР. Т. I. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. 507 с. []
- Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803 [Nomadic journeys among the Kalmyks: 1802 – 1803]. Part Four. Riga: S. J. G. Hartmann, 1804. 355 p. (In Germ.)
- Gerelmaa 2005 — *Gerelmaa G.* Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature [*Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод угсийн номын товч бүртгэл*]. Ulaanbaatar, 2005. 270 p. (In Eng. and Mong.)

- Ramstedt 1919 — *Ramstedt G. J.* Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen [Kalmyk speech patterns. Coll. and publ. by G. J. Ramstedt. Part Two. Kalmyk fairy tales]. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. 237 p. (In Germ. and Kalm.)
- Uspensky 1999 — *Uspensky V.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV, 530 p. (In Eng.)

References

- An overview of Mongolian literature. Book Two (17th-18th cc.). Ts. Damdinsuren, D. Tsend (eds.). Ulaanbaatar: Mong. Acad. of Sc., 1976. 670 p. (In Mong.)
- Bennigsen A. P. Central Asian legends and tales collected by Count A. P. Bennigsen. St. Petersburg: A. S. Suworin, 1912. 168 p. (In Russ.)
- Bergmann B. Nomadic journeys among the Kalmyks: 1802–1803. Part Four. Riga: S. J. G. Hartmann, 1804. 355 p. (In Germ.)
- Bicheev B. A., Damrinjav B. The Tale of Unekeer Torliqtu Khan: an oral version. B. A. Bicheev and B. Damrinjav (research, transl., comment.). Elista: Kalm. Sc. Center of RAS, 2017. 314 p. (In Russ. and Mong.)
- Damdinsüren Ts. 100 Mongolian literary texts. Vol. V (Book Two). Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2017. 364 p. (In Mong.)
- Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Ulaanbaatar, 2005. 270 p. (In Eng. and Mong.)
- Kichikov A. Sh. Foreword. *Jangar*: the Baya Dorbet version. A. Sh. Kichikov (transl., comment., etc.); A. V. Badmaev (ed.). Elista: Kalm. State Univ., 1999. Pp. 5–38. (In Russ.)
- Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: results of the 1879 travel for the Imperial Russian Geographical Society. Is. IV. Ethnographic materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. A catalogue of Mongolian manuscripts and xylographs kept by the Institute of Oriental Studies (USSR Acad. of Sc.). Vol. I. Moscow: Nauka, 1988. 507 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmyk speech patterns. Coll. and publ. by G. J. Ramstedt. Part Two. Kalmyk fairy tales. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. 237 p. (In Germ. and Kalm.)
- The Tale of Young Oyuu Chikht Khan and other selected works of Mongolian literature. D. Ganbold (comp., prep., comment.). Ulaanbaatar: Khovd University, 2005. 113 p. (In Mong.)
- Uspensky V. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. XV, 530 p. (In Eng.)